

Павел Некрасов

Чужое Солнце Роза Ветров



КДПН

Павел Некрасов

Чужое Солнце. Роза Ветров

<https://litres.ru/74373022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миры раскололись на множество граней. Уже невозможно понять причину расхождения, как невозможно угадать завершение. Зачинщики стали жертвами, а жертвы палачами. Миры разошлись в основании, в каждом из них царит своя неповторимая жизнь.

Четвертый эпизод цикла "Чужое Солнце".

Для широкого круга читателей.

Содержание

1. Вкладка М11.17. Земля (совр. период)

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Павел Некрасов

Чужое Солнце. Роза Ветров

1. Вкладка M11.17. Земля (совр. период)

В прихожей негромко хлопнула дверь. Жак стоял возле окна в гостиной. Он знал, что через мгновение в комнате станет светлей, словно с появлением Софи сквозь плотные облака наконец пробилось солнце.

— Здравствуй, милый! Как ты? Выспался?.. Я на кухне!

Он слышал ее шаги. Из гостиной двери вели в оба крыла дома.

— Чудесная погода! В парке уже яблоку негде упасть. Люди на самом деле занялись собой, своим здоровьем! Кто бы мог подумать, не прошло и двадцати лет... — доносился голос жены с кухни. — Почему так темно в комнатах? И почему ты молчишь? Мы вчера поссорились? Я не помню...

Он почувствовал ее за спиной.

— Господин Жак Лернье¹, что произошло? — Софи обняла его за талию. — Мы на самом деле поссорились?

¹ Жак Лернье, антрополог, персонаж ранних произведений автора, см. «Мерцающий шар», сборник «Фантастика и пр. Vol.1 (he sunt parabolas)».

Жак отрешенно смотрел в окно. Улица была пустынна, только уборщики деловито чистили асфальт и плитку от грибов, жухлой листвы и пыли. Световая сигнализация праздничными сполохами пробегала по их корпусам. По дорогам изредка проносились машины. Иногда в окнах домов напротив вспыхивал свет от призраков и скользили на его фоне силуэты живых людей. Почти все работали удаленно, старались оборвать связь с прошлым, уезжали из городов или селились в пустынной местности. Столкнуться с призраками можно было где угодно, но чаще в знакомых местах.

В отличие от многих, Лернье место жительства не сменил. И на работу ездил каждый день, иногда задерживаясь там допоздна.

— И что же с нами случилось? — все также полушутливо продолжала Софи. — Дуюсь, как мышь на крупу... — она развернула его к себе. — Что это, Жак?... — провела по его волосам. — Когда ты успел поседеть?..

Ее взгляд упал на улицу за окном и тут же потускнел:

— Что это, Жак?... Почему так сумрачно за окном?... Где люди?..

В этот момент его накрыло воспоминанием десятилетней давности. Тогда они так же стояли возле этого окна. Но утро было солнечным, в густой листве деревьев гомонили воробьи, а по тротуарам текла река прохожих. А потом мир пошатнулся. Это не было землетрясением, и планета не сошла с оси вращения. В этот миг словно не произошло ничего, про-

сто воздух помутнел и солнце померкло. Тогда Софи тоже обнимала его за талию. И вдруг разжала объятие, и медленно опустилась на пол. И последнее, что он услышал от нее было его именем.

— Что это, Жак? — прошептала она, снова разжимая руки.

Жак закрыл глаза, кожей ощущая, как тает ее свет. Он стоял с закрытыми глазами еще несколько мгновений, впитывая это странное ощущение безмерной утраты и призрачной надежды на что-то всемогущее, способное повернуть время вспять, способное откатить что угодно к начальной точке. Наверное, в этот момент он думал о боге. Нет, он наверняка в этот момент думал о боге, не облекая свою мольбу словами. И в этом он не мог признаться даже себе. Потому что десять лет назад выжившие проклинали бога. Вернее сказать, проклинали всех богов, разрушили храмы и молельни, сожгли иконы и священные тексты. Мир повсеместно впал в атеизм. Это не было богоборчеством, яростным отрицанием небес и впадением в новые заблуждения. Это была холодная и расчетливая месть порядку вещей, что в прошлом сдерживал миллиарды людей от испепеляющей ненависти к себе подобным. Но по иронии их неведомые спасители, дали им «ангелов» — шесть гигантских статичных вихрей на полюсах и по четырем сторонам света на экваторе. Эти атмосферные вихри раскручивали воздушные массы, накачивая атмосферу теплом, насыщали воздух электричеством и озоном. К

ним так и не смогли подобрать, чтобы выяснить их природу и внутренний механизм. Предполагали, что они были одной из нескольких засекреченных разработок международного исследовательского конгломерата, созданного незадолго до катастрофы в Альпах. Ходили слухи, что его филиал работал и в Советском Союзе.

Но мир все равно накрыло сумерками. Иногда Жака посещали крамольные мысли о настоящей причине катастрофы: быть может, «ангелы» и вызвали ее? Но эти мысли он держал при себе.

В тот день исчез привычный мир: непроницаемый полог облаков окутал планету. Солнечный свет остался за их пеленой. Тепло от него едва нагревало верхний слой и возвращалось в космос. Но страшнее всего оказалась не гибель почти всех живых существ, не уничтоженная природа и не миллиарды тонн гниющей биомассы. Все это преходяще, потому что жизнь вернулась в других формах и даже по-своему расцвела. Страшнее было возвращение призраков погибших, каждый день волнами накатывавших из небытия. Призраки погибших животных и насекомых, конечно же, не бредили душевные раны у людей. Но наблюдать ушедших родных и знакомых было невыносимо. Они словно застряли в последнем миге своей жизни, парадоксально осязаемые, повторяли одни те же слова и фразы. А потом вдруг понимали, что произошло и меркли в воздухе, как меркнет свет в помертвевших глазах.

Жак прижался лбом к оконному стеклу. По тротуару ползла вереница роботов: доставка готовой еды, чистого белья и прочих заказов. Приемники на их крышах мерцали синеватым галю. Энергию после катастрофы брали из перенасыщенного электричеством воздуха. Находиться вне помещений без специальной обуви и верхней одежды было опасно. Передвигались в основном в машинах и по сети подземных коммуникаций. И все же оставшиеся в живых жили без огонька, по крайней мере, в западном мире. Вести из азиатских стран и Советского Союза почти не доходили. Впрочем, выживших в Европе и Америке ситуация в других странах не интересовала. После катастрофы нормой стало одиночество, новые связи люди не заводили, тем более не заводили детей, словно в прошлом застряли не только призраки, но и живые. Ко времени катастрофы западный мир достиг пика изобилия: цифровые алгоритмы и роботы уже заменили людей на производстве, в сельском хозяйстве и сфере развлечений. В те времена уже витал стойкий дух апокалипсиса, но никто не думал, что он будет таким.

Жак еще какое-то время смотрел, как доставщики ныряют в подземные уровни под домами. Уборщики все так же деловито очищали фасады домов и дороги с тротуарами от выросших за ночь грибов. Потемневшие от сырости дома и полусумерки за окном кроме тоски и чувства безмерной утраты ничего не вызывали.

— Пора сбежать к коммунистам, — прошептал Жак. —

У них наверняка веселее...

Он прошел на кухню, выпил остывший зеленый чай, вылил в раковину чай, приготовленный для призрака Софи, и спустился на подземный уровень. Трехэтажный дом казался пустым, хотя в нем жило еще несколько человек. Иногда он видел машину, выезжавшую с подземной стоянки, видел доставщиков, поворачивающих к их дому.

Когда автопилот машины опознал его и приветствовал привычным сигналом, Жак замедлил шаг. В этот момент его накрыло желание пройтись по квартирам и поговорить наконец с соседями. Но он пересилил себя и сел в машину.

— Здравствуй, Франсуа! — поздоровался с автопилотом. — Как прошла ночь?

— Доброе утро, месье! — отозвался робот. — Ночь прошла спокойно. Вам был доставлен пакет.

— Понятно, — хмыкнул Лернье. — Вот и до машин разложение добралось. До дверей квартиры робот доехать не смог.

— Пакет был доставлен человеком, — уточнил автопилот. — Курьер скрыл свою личность за силиконовой маской, и системой не был опознан.

— Интрига, — Жак покрутил в руках внушительный бумажный пакет без марок и адреса. — Все-таки остались живые среди выживших... Включи запись с нашим гостем.

— Скорее с гостьей, — уточнил автопилот. — Движения выдадут в ней женскую особь.

— Особь, — хмыкнул Лернье. — Ну, покажи мне особь.

Запись оказалась короткой: под утро на стоянке появился человек в нарочито мешковатом защитном комбинезоне, подсветка гермошлема высвечивала лицо яркого, усатого брюнета среднего возраста. Но манера двигаться и едва уловимые движения выдавали маскировку, пакет на самом деле принесла женщина.

— Любопытно, — пробормотал Лернье. — Ты сделал запрос в департамент общественной безопасности?

— Специалисты департамента общественной безопасности отследили курьера по камерам до аграрной зоны Фридланд. В массивах оранжерей объект был потерян.

— Особь, объект, — пробурчал Жак. — Разберемся. Сегодня двигайся обычным маршрутом в Гёттинген.

— Маршрут определен: Кассель — Гёттинген без остановок. Время в пути: сорок пять минут. Пристегните ремень! Начинаю движение! Включить вам один из новостных или развлекательных телевизионных каналов?

— Нет, — Лернье какое-то время наблюдал, как электрокар осторожно выбирается с подземной стоянки и движется по полосе возле тротуара.

Спустя мгновение на информационном дисплее зажегся баннер о надвигающейся волне призраков в предместьях.

— Активировать затемнение окон? — уточнил автопилот.

— Нет, увеличь скорость, — отозвался Жак.

Он открыл пакет и высыпал на соседнее сиденье несколько-

ко стандартных флешек и диктофон с наушниками. Покрутил диктофон в руках, его название было на кириллице, на задней крышке, видимо, предупреждения на русском языке и лайба: «Сделано в СССР» со Знаком качества. В лабораториях было много аппаратуры советского производства, так что идентифицировать технику из СССР он мог безошибочно.

— Любопытно, — снова пробормотал он.

Автопилот наверняка вел съемку в салоне и была вероятность, что после обращения в департамент общественной безопасности, все данные из машины автоматически уходят в базу данных департамента. И не было уверенности, что массивы данных не будут так же автоматически считаны при включении диктофона или носителей информации.

Жак убрал содержимое обратно в пакет. За окном тянулись предместья: кварталы старых особняков за невысокими коваными заборами. Старые сады после катастрофы погибли, вместо фруктовых кустов и деревьев разрослись тенелюбивые растения. Их огромные темные листья блестели от величавых полотнищ азотной мороси², таких же темных, как и

² После Опустошения атмосферные вихри запустили несколько естественных в таких условиях физических и химических процессов. Одним из них стала реакция расщепления молекулярного азота, запускаемая атмосферным электричеством. Как следствие, почти постоянно на землю изливаются осадки в виде слабого раствора азотной кислоты. После гибели биомассы для выживших это стало спасением: мертвая органика была ускоренно переработана выжившими растениями, грибами и микроорганизмами. Это же дало толчок для появления новой флоры и фауны.

все вокруг. Цветочные клумбы затянуло пышными мхами и грибами, старый кирпич стен цвел белёсыми лишайниками.

Но уже катилась с запада призрачная волна. Ее свет заливал окрестности.

— Увеличь скорость, — повторил Жак, закрывая глаза. Ему не хотелось вновь окунуться в картины погибшего мира.

Автопилот все же добавил затенение окон и запустил трансляцию новостного канала. Через какое-то время Жак чертыхнулся и открыл глаза.

— Советский Союз запустил программу искусственного зачатия и вынашивания детей, — на экране появилась сюрреалистическая картина сотен ячеек инкубатора с человеческими зародышами на разных стадиях развития. — По информации наших источников первые, так называемые, человеческие фермы начали работу во всех регионах Советского Союза. И еще одна шокирующая новость! В обход моратория³ на освоение космического пространства в медиа просочились кадры советского парада на Марсе в честь досрочного завершения первой пятилетки колонизации планеты. Это шокирующие и неоднозначные кадры очередного триумфа советского образа жизни. Колонизацию Марса Советским Союзом инициировал прожектор и перебежчик из Южной Африки Илон Маск...

³ Мораторий (от лат. moratorius) – вид международных договоренностей об отсрочке или воздержании от каких-либо действий на определенный или неопределенный срок.

Но судя по телевизионной картинке Маск прожектором не был. Многолюдные торжества на Марсе говорили сами за себя: толпы ликующих колонистов с красными флажками в руках, парад техники различного назначения, марширующие отряды космодесанта, высотки вокруг площади с огромными плакатами руководителей советского государства.

— Лозунги на зданиях гласят: «Будущее человечества — звезды!», «Слава первопроходцам!», «Государство — Цель — Успех!», «Марс — сердце империи!». Последний лозунг вызвал особенно неоднозначную оценку в западных странах. Как вы можете видеть, в толпах празднующих царит дух коллективизма и оптимизма...

— Коммунисты в своем репертуаре, — пробормотал Жак, вспоминая о повсеместном упадническом настроении людей запада. — А мы уже проиграли... Выключи трансляцию и до конца поездки не включай ни ТВ, ни радио! — распорядился он, закрывая глаза.

Он снова чувствовал свет Софи. Его тоску не всколыхнули ни новый мир за окном, ни коммунистический парад на Марсе, ни таинственный пакет. Кроме утраты он не чувствовал ничего. В бесплотном автопилоте Франсуа жизни было больше, чем в нем.

«Мы бредили новым миром, — думал он. — Представляли господство машин и ненужность людей. Столько беспочвенных фантазий... И вот реальность. В ней на самом деле больше машин, чем людей. И в этих машинах жизни уже

больше, чем в людях. Какая ирония... Тысячи лет люди кормили друг друга байками о конце света. А мы умудрились увидеть и это. Свет буквально закрыло сумеречное небо. Пройдет немного времени и новый мир растворит наши следы. Ничего не останется: ни человеческих костей, ни остовов машин. И через сотни миллионов лет только изощренная экспертиза подтвердит наличие призрачного слоя, оставленного нашей цивилизацией: всего пару сотен лет техногенной эры с редкими металлами, зданиями из искусственных материалов, изотопами на месте атомных станций, и того, что останется от «ангелов». Хотя от них наверняка не останется ничего. А может и нет ничего... — он ощутимо вздрогнул. — Открою сейчас глаза и увижу что-то совсем уже непонятное, что-то за гранью всего».

Жак открыл глаза и принялся смотреть на невысокие плотные заросли вдоль дороги. Новые виды растений росли в несколько ярусов. Их плотный ковер затопил поля и холмы, поглотил вымершие поселки и хутора. Симбиоз мхов, грибов и растений находился в идеальном равновесии. Биологи в своих бюллетенях предрекали взрывное появление новых видов животных и насекомых. Моделировали новые формы, чтобы понять, с чем придется столкнуться. Ученые других отраслей тоже рассуждали о новых горизонтах, открывшихся перед цивилизацией. Но никто еще не дал внятных объяснений произошедшему. Причина катастрофы и ее механизм были так же темны, как оставалось без объяснения возник-

новение спасительных для выживших мощных вихрей. Возможно, это было только отсрочкой для всех. Возможно, это была отсрочка для нарождавшегося нового мира. Пока не пришло понимание причин катастрофы, Жак готовил себя к новым бедствиям и пытался донести это до коллег и знакомых.

Автопилот произнес несколько непонятных слов.

— Что ты сказал? — он с силой растер лицо ладонью.

— С вами пытаются связаться, месье. Проверьте свой телефон, — автопилот снова что-то ответил собеседнику. Кажется, он говорил по-русски.

Жак взял в руки смартфон. В левом углу мигало несколько пометок о пропущенных вызовах с незнакомых номеров. Жак выключил подсветку экрана и снова откинулся на спинку кресла. Через мгновение телефон в его руке едва заметно завибрировал. Он приложил его к уху и услышал немного резкий мужской голос:

— Доброе утро, господин Лернье! Я Семён Самарин, научный координатор советского представительства в странах GPC⁴. Мы встречались несколько раз на различных симпозиумах.

— Здравствуйте, я вас помню. Пакет с флешками ваших рук дело?

— Да, его доставила наша сотрудница. Но вы слишком осторожны, так и не открыли его. Господин Лернье, позволю

⁴ GPC – Страны Глобального Пакта (Global Pact Countries).

перехватить вас по дороге. Я уже проинструктировал вашего автопилота. Вам остается лишь дать команду для остановки.

— А вы серьезно рискуете, Самарин! Вам не приходило в голову, что наш департамент общественной безопасности мониторит ситуацию после утреннего перформанса вашей сотрудницы?

— Если вы беспокоитесь о собственной безопасности, право не стоит! Похищать вас и выведывать секреты мы не намерены. Я приглашаю вас обсудить некоторые любопытные моменты. И они непременно вас заинтересуют. Я приглашаю вас к обсуждению как коллегу, а не как представителя западного мира. Безопасность и отсутствие каких-либо проблем от ваших спецслужб я вам гарантирую. Ведь мы делаем одно дело — спасаем человечество от гибели.

Жак несколько мгновений молчал. Теперь он был уверен, что их разговор прослушивается и фиксируется не только в департаменте общественной безопасности.

— Вы озадачили меня, — кивнул он. — Франсуа, следуй инструкции господина Самарина.

— Превосходно! До скорой встречи, господин Лернье, — отозвался Самарин.

Спустя минуту машина свернула на указателе агромассива Фридланд. Дорога оказалась такой же широкой, как и федеральная трасса, с которой они съехали. По обе ее стороны роботы расчищали просвет между зарослями и дорожным полотном. Несколько раз навстречу попались рефриже-

раторы с продукцией фермерских хозяйств. Теплицы, оранжереи и животноводческие фермы скрывали плотные заросли. Время от времени на обочине появлялись указатели поворотов. На одном из них машина свернула и спустя две минуты въехала на подземный уровень невысокого массивного строения.

Самарин разговаривал по телефону. Он был невысоким и плотным брюнетом сорока с небольшим лет. Как и все советские функционеры носил полувоенный френч и брюки из темного твида. Он прервал звонок и подошел к машине.

— Как же я рад видеть вас, Жак!

Они обменялись рукопожатием.

— Обойдемся без формальностей, — радушно улыбнулся он. — Предлагаю перейти на «ты». Мы знакомы несколько лет, самое время отбросить условности.

— Тем более, что мы делаем одно дело, — кивнул Жак.

— Да, мы спасаем человечество, — повторил Самарин. — И наступило время не только отбросить условности, но прийти наконец к конкретике формулировок. Наступило время отбросить разногласия между нашими странами, культурами и народами. Я знаю, что вы тоже пытаетесь найти причину Опустошения. Как антрополог и культуролог вы пытаетесь нащупать параллели нашей трагедии и событий далекого прошлого. Но не можете получить ответ на главный вопрос: кто и зачем запустил Якоря? Здесь их называют «ангелами», но мы в Советском Союзе не приемлем наложение

мистического или религиозного смысла на явление сугубо технического характера. Жак, поднимемся в гостевые комнаты. Нам предстоит обсудить несколько важных моментов. Сделать это лучше в более комфортной обстановке.

— Я могу называть вас Симоном? Я все равно сбиваюсь и путаю ваше настоящее имя с привычным произношением для меня.

— Разумеется, — кивнул Самарин.

Они поднялись на второй этаж.

— Новость о колонизации Марса — правда или очередная пропаганда для нашей молодежи и недовольных граждан?

— Правда от первого и до последнего слова, — отозвался Самарин, открывая дверь гостевой комнаты. — Ваши правительства и частные агентства тоже принимают участие в завоевании Марса. Но факт нашей интеграции скрывается. Мы и этого вопроса коснемся. Не бегите впереди паровоза, Жак!

— Завоевание Марса?! Вы натолкнулись на организованное сопротивление или это образное выражение? — уточнил Лернье.

— Разумеется, это метафора! Но советский народ воспринимает освоение Марса, как завоевание нового мира. Я сам воспринимаю это как захват еще одного плацдарма для человечества.

— Еще одного плацдарма? — Жак подошел к окну.

Со второго этажа были видны только ближние оранжереи

и теплицы. Все теплицы были советского производства.

— Вы знаете, что на них написано, — Самарин тоже подошел к окнам.

— Нет, но наверняка что-то идейное и вдохновляющее.

— Это слово «урожай» на русском языке. Жатва, можно и так сказать. Сто лет назад мои предки были полуголодными крестьянами. Войны, голод и эпидемии сотрясали Россию, пока народ не взял власть в свои руки...

— Сейчас это абсолютно неважно, Симон, — перебил его Жак. — Ваш народ тоже практически истреблен неизвестной пагубой.

— Но это не повод опускать руки. Рассуждать о втором шансе было бы слишком пафосно, особенно на фоне неоправданных потерь. Но существует непопулярное мнение о том, что мы заигрались с силами природы. И вы заигрались, и мы заигрались. Якоря без всякого сомнения дело рук человеческих. Творение поистине гениальное. Например, я считаю, что Якоря — это помощь из будущего. Я почти уверен в этом! Мы до сих пор не обнаружили привычного для нас техногенного следа в возникновении энергетического импульса, истребившего почти всю жизнь на Земле. Но вполне вероятно, что он был своеобразным эхом, исторгнутым из центра планеты, усиленным ее внутренней структурой. Это был низкочастотный акустический импульс, вызвавший фатальный сбой биохимических процессов у подавляющего большинства живых существ. Все выжившие име-

ют редкие мутации, так называемой химии тела. И у нас есть предположение, что именно породило импульс. Есть вероятность такого события в прошлом. Но судить об этом можно только по косвенным признакам.

— То есть сама планета истребила практически все живое, — уточнил Жак.

— Не совсем так. Вы ведь знали Фридриха Гюнтера?

— Не только знал. Я учился с ним и работал какое-то время.

— По нашим сведениям, он со студенческой скамьи носился с проектом некоего механизма, якобы в заданной последовательности изменяющего молекулярную структуру любого вещества.

— Фридрих был человеком увлекающимся, человеком с фантазией, — теперь усмехнулся уже Лернье. — Он алхимией занимался на самом деле, как бы красиво свои теории и поделки не называл.

— Вам знакомо слово — альмагейтер?

— Впервые слышу.

— То есть механизм Гюнтера вы не видели?

— Он показывал мне какие-то несуразные модели: гибриды древней механики с электронными мозгами. Голосовые команды управления больше напоминали колдовские заклинания. Это выглядело нелепо!

— Альмагейтер в действии вы не наблюдали? Я правильно понял?

— А это уже напоминает допрос, — заметил Жак.

— Простите за настойчивость. Но есть вероятность, что Опустошение было вызвано применением этого механизма.

— Вы шутите?

— Нет, — Самарин смотрел на него испытующе. — Во время исследований в долине Евфрата Гюнтер обнаружил некий текст — «Колониальные хроники». Вам знакомо это название? Жак, это поможет нам всем. Если мы поймем, что именно вызвало Опустошение на Земле, мы обезопасим будущие поколения.

— Я ничего не знаю, Симон. Ничем не могу помочь.

— На флешках массивы данных, собранные нашими и вашими спецслужбами, показания очевидцев, ориентировки на тех, кто может знать хоть что-то. Я прошу вас изучить информацию. И прошу присоединиться к нашему расследованию. Возможно, вы вновь обретете почву под ногами, Жак. Перед нами открылись новые горизонты, это не пропаганда и не самообман. Советский народ устремился к этим горизонтам. Вы тоже увидите открывшиеся перспективы. Уже не на Земле, а на Марсе! И наступит день, когда мы восстановим и родной дом. К этому разговору мы обязательно вернемся позже. Вы согласны работать с нашей командой?

— Я должен подумать. Дайте мне время. Вы считаете, что Гюнтер жив?

— Мы ищем его, пока без результата. Разумеется, нам хотелось бы получить объяснения из первых уст. Пока вы не

приняли решение, оставайтесь здесь. Если это не секрет, над чем вы сейчас работаете?

— Изучаю архивы, как и всегда, — рассеянно отозвался Жак. — Я могу побродить по вашим оранжереям?

— Конечно, — улыбнулся Самарин. — Все строения связаны сетью тоннелей. Наслаждайтесь тем, что мы перестали ценить в свое время: свежий воздух без примесей кислот, сочная зелень, цветы, пчелы, насекомые и все, чего теперь лишены.

Спустя два месяца Самарин распустил международную команду. Они так и не нашли Гюнтера: ни его самого, ни чертежей, ни сконструированных механизмов. Если в начале Лернье к подозрениям Самарина относился скептически, то уже через месяц не исключал злонамеренной мотивации однокашника. Гюнтер тщательно зачистил следы своей жизни после учебы в университете.

— Или зачистили, — озвучил мнение спецслужб Самарин. — Не исключаю, что у него были пособники.

Большая часть советских специалистов привычно согласилась с ним.

— А я не понимаю, зачем ему это понадобилось? — Жак подошел к окну и закурил.

— Месть, любопытство, одержимость. Как знать? — Самарин тоже вышел из-за стола. — Господа и товарищи, с каждым из вас я еще буду беседовать отдельно. Обсудим

вклад в расследование каждого из вас и поговорим о будущем. Благодарю вас за работу!

Он придержал Лернье на выходе:

— Еще немного вашего времени, Жак. Вы подумали над моим предложением?

— Советский Марс... Наверное, это даже кстати: новый мир, новые горизонты, солнце.

— Он очень похож на Землю. Пока что холодный, жить можно только на экваторе. И работы непочатый край. Но мы изменим его. Мы изменим все, Жак. Наши ученые и инженеры уже работают над космической техникой, которую до коллапса невозможно было представить. А если наши страны объединят усилия, нас невозможно будет остановить. Мы устремились к звездам, потому что не осталось ничего другого. Мы пройдем этот путь и вернемся на Землю с новыми знаниями и опытом уже несоизмеримым со всей историей человечества. Мы вернемся сюда, Жак! И мы всё исправим!

— Или оставим навсегда этот чуждый мир, — заметил Жак.

— Это наш отчий дом, гнездо из которого мы вылетели на просторы вселенной. Ночь не может длиться вечно.

Самарин выключил освещение и подошел к окну. В заволоченных темными облаками небе забрезжил первый свет.

— Когда вы улетаєте, Симон? — Лернье тоже остановился возле окна.

— Вы все-таки решились? Это замечательно. Мы улетаем

через десять дней. Если не передумаете, сообщите мне окончательное решение за неделю до вылета. Нам нужны такие специалисты, Жак. Вы росли, воспитывались и обучались в совершенно иной системе координат. И вы можете увидеть то, что мы можем пропустить или не заметить.

— До скорой встречи, Симон! — Жак протянул ему руку.
— Я не передумаю, мне уже нечего терять.

В прихожей негромко хлопнула дверь. Жак стоял возле окна в гостиной. Он знал, что через мгновение в комнате станет светлей, словно сквозь темные облака пробилось наконец солнце.

— Здравствуй, милый! Как ты? Выспался?.. Я на кухне! Он слышал шаги Софи в коридоре.

— Чудесная погода! В парке уже яблоку негде упасть. Люди на самом деле занялись собой, своим здоровьем! Кто бы мог подумать, не прошло и двадцати лет... — доносился голос жены с кухни. — Почему так темно в комнатах? И почему ты молчишь? Мы вчера поссорились? Я не помню...

Он почувствовал ее за спиной.

— Господин Жак Лернье, что произошло? — она обняла его за талию. — Мы поссорились? От тебя пахнет сигаретами. Ты снова начал курить?

Жак резко развернулся и крепко обнял ее. Десять лет он желал этого и боялся обнять пустоту, понимая, что именно это лишит его рассудка. Но Софи была как живая. Нет, она

и была живой. Жак чувствовал ее тело, дыхание, запах.

— Оказывается, все в порядке! — рассмеялась она. — Просто ты вспомнил очередное изречение какого-то древнего мудреца, и оно поразило тебя до глубины души.

— Нет, я думал о тебе, желал тебя...

— Что с твоими волосами, Жак? Когда ты успел поседеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.